

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

СВОБОДА ЛУЧШЕ, ЧЕМ НЕСВОБОДА?

© 2012 г. Виктор Васильевич Лунеев¹

На заседании Госсовета подводились итоги четырех лет президентской работы Д.А. Медведева. Первая и основная мысль речи Президента РФ: **“Свобода лучше, чем несвобода”**. Он говорил, что свобода нужна всем, и это аксиома, что действительно так. В этом нет ничего нового уже несколько столетий. Цитирую далее: **“Несколько лет тому назад я высказал простую и, казалось бы, очевидную для всех мысль: свобода лучше, чем несвобода... А противопоставление свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости в высшей степени неверно”**². А вот это новейшее и безапелляционное дополнение вызывает огромное сомнение. Если взглянуть в многовековые высказывания великих людей мира, то сомнения в неколебимости такого высказывания только укрепятся. Правда, у докладчика тоже готова ссылка на мудрость прошлого. “Есть очень правильные слова, – говорил он, – я хотел бы их процитировать, которые были адресованы будущему Александру II его наставником – Василием Андреевичем Жуковским”. Он сказал так: “Люби свободу... Свобода и порядок – одно и то же”³. Но “свобода лучше, чем несвобода” далеко не синонимична выражению Жуковского: “Свобода и порядок – одно и то же”. Различия существенны и политически, социально и криминологически (я – криминолог) очень важные. “Свобода лучше, чем несвобода” сродни известному выражению Ельцина руководителям субъектов Федерации на стадии ее возможного развала в “лихие 90-е годы”: “Берите суверенитета столько, сколько проглотите”. Россияне знают, чем это закончилось. Известный политолог В. Третьяков ситуацию в стране оценил так: “Война всех против всех и каждого против каждого – вот закон сегодняшней жизни России, вот закон жизни ее элиты”⁴.

У свободы нет идеологии. Свобода в одинаковой мере благоприятствует хорошему и дурному.

Следует осознавать, что свобода вне правового контроля, порядка и ответственности не избирательна для правомерной или противоправной деятельности. Она является свободой для всех граждан как с правомерными, так и с жесточайшими преступными наклонностями. Выбор осуществляют сами субъекты той или иной деятельности. В силу определенной мобильности, криминальных талантов бюрократии и профессиональных навыков криминалитета свобода без правовых рамок открывает для профессиональной и бытовой преступности огромные возможности, которые широко используются особенно нашими чиновниками, не несущими за это никакой ответственности. Свобода не вольница. Ее нельзя противопоставлять или отделять от законного конституционного правопорядка, материального благополучия, социального равенства и социальной справедливости. В чем их высшая степень социальной ценности? Они составляют сущность свободы, без анализа которых нельзя оценить ее реалии. В нашей стране нет надежного правопорядка, нет повсеместного материального благополучия, нет социального и даже правового формального равенства и нет господства социальной справедливости, а поэтому и нет никаких оснований восхищаться нашей реальной свободой. Ее не было и при советской власти. Но со времен “лихих 90-х” мы действительно и интенсивно движемся к свободе. Но не к цивилизованной свободе в строгих рамках конституционных норм, а к “свободе дикой природы”, где каждая земная тварь абсолютно свободна. Она может двигаться в любом направлении и делать все, что ей “нравится”, но лишь до тех пор, пока другая, тоже абсолютно свободная, но более сильная, да еще и особо защищенная тварь не проглотит ее.

Примером может служить многолетняя Кушечка и сотни, если не тысячи аналогичных Кушечек: Энгельс, Гусь Хрустальный, Березовск и т.д. Это самые грубые и кровавые формы “свободы дикой природы”. Но многие “свободные твари” делают то же самое бескровно и внешне почти цивилизованно, например путем мошеннических дей-

¹ Профессор, доктор юридических наук, лауреат Государственной премии РФ (E-mail: LuneevVV@yandex.ru).

² Росс. газ. 2012. 26 апр.

³ Там же.

⁴ Третьяков В. Время всевластия // Там же. 2003. 11 дек.

ствий при помощи продажных нотариусов, судей, судебных исполнителей и полицейских отбирают доходный бизнес или единственную квартиру, и более “слабая тварь” направляется в стан бомжей. Классический пример сценария “свободы дикой природы” в России раскрыли в английском суде миллиардеры Березовский и Абрамович. Суть та же – воздействие если не физическое, то моральное, духовное, материальное. Реальная и страшная угроза близким, вывоз девочек и мальчишек за рубеж для проституции, а то и на “запасные части” и т.д. Западная цивилизация это приемлет. Она тоже живет по канонам “свободы дикой природы”, правда, при более действенном социальном контроле, что самое страшное. Даже самые высокие отечественные государственные лица боятся за свободу и здоровье своих детей. Они под усиленной охраной отправляют их в более благополучные страны. А кто и что охраняет наших детей? Их тоже как-то охраняют, но “постфактумно” и неэффективно.

Данная проблема много лет изучалась автором на национальном и международном уровнях. Поэтому можно было бы привести огромное число обобщающих данных об отрицательной корреляции недостаточно обеспеченных законами долгожданных свобод и динамикой национальных и транснациональных посягательств⁵. Криминогенность внутри страны очень быстро повышается с расширением свободной деятельности в той или иной сфере, если одновременно с провозглашением необходимой свободы не формируется адекватная законная ответственность. Нельзя пользоваться свободой без права нарушать ее. Но это невозможно без соответствующего порицания или наказания. Преступная деятельность не может служить основанием для сворачивания свобод. **Свобода идет параллельно с ответственностью.** Свободный выбор налагает на нас, включая и высших должностных лиц, обязательство принимать ответственность за последствия своего выбора. Ф.М. Достоевский писал: “Свобода не в том, чтобы не сдерживать себя, а в том, чтоб владеть собой”. Таким образом, свобода не преходящая ценность для человека, но только тогда, когда она эффективно охраняется законом и установленным порядком. Беспорядок, наоборот, создает рабство и хаос. Великий баснописец И.А. Крылов замечал:

*“Как ни приманчива свобода,
Но для народа*

*Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана”.*

Таким образом, высказывание высокого должностного лица о том, что “противопоставление свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости в высшей степени неверно”, откровенно криминогенно. И это не случайно. Оно, видимо, оказалось сутью той политики, которая проводилась в стране в последние годы. Это подтверждается объективным анализом недалекого прошлого и настоящего. Я не политолог, но криминологический анализ противоречивых реалий позволяет предположить, что этот лозунг с пояснениями скорее всего отражает праворадикальную позицию властного лица, созвучную лозунгам демонстрантов на Болотной площади. В США и Западной Европе в последнее время доминируют леворадикальные призывы: “Захвати Уолл-Стрит”, “Захвати Лондон”, об истерзанности современного капитализма, об изжитии правого либерализма и т.д.

Заглянем в еще незабытую историю. Ныне очевидно, что гласность – единственное реальное “достижение” перестройки, объявление которой было самым простым делом, но с самыми непредсказуемыми и разрушительными последствиями. Вначале гласность предполагалась не как свобода слова, а как большая свобода привычной для КПСС лояльной критики и самокритики. Но усилиями радикальных журналистов и политиков, прежде всего главного идеолога А.Н. Яковлева, она получила развитие как безбрежная свобода слова, как безответственная вольница. Он очень дорожил своей фразой: “Нам надо сделать гласность безотказно действующей системой”⁶. Именно свободой слова восторгалась определенная часть недалекой гуманитарной интеллигенции, жаждавшей такой свободы и не желавшей, а может быть, и не способной предвидеть тяжкие последствия для страны, для народа, о котором мало кто из них думал. Суверенизация самовыражения была главной, которая закономерно перетекла в охлократию.

Один из идеологов демократии и гласности (вставший потом в оппозицию к Горбачеву, а затем и к Ельцину) проф. Ю.Н. Афанасьев пишет: «“Гласность” почти мгновенно вышла из дозволенных берегов..., достигла масштабов свободного доступа к информации. За сталинскими репрессиями быстро разглядели ленинские, а за теми и другими... изначальную преступность всего советского режима... Партия и власть стре-

⁵ См.: Лунев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005; *Его же*. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х т. М., 2011.

⁶ Яковлев А. Омут памяти. М., 2000. С. 5–19, 300–356 и др.

нительно утрачивали... легитимность... Горбачевская “гласность”... коснулась судьбы КПСС и предопределила ее окончательный развал»⁷. А разрушение партии при существовавшем тогда режиме в СССР означало превращение в развалины всего государства. Параллельно с “агрессивно-послушным большинством” (термин Афанасьева о съезде народных депутатов СССР) интенсивно формировалось новое и еще более агрессивное большинство из прямых разрушителей страны, радикалов перестройки, диссидентов, жертв советских массовых репрессий, других обиженных властями и иных попутчиков. Одни перестройщики планировали такой исход, другие не ведали, что творили⁸. Наверное, нетрудно было члену Политбюро ЦК, действительному члену АН СССР, который владел отечественной и закордонной информацией и сам все это сотворил, ожидать охлократическую реакцию трехсотмиллионного загнанного народа, который 70 лет беспощадно уничтожали, унижали и затыкали ему рот, а потом вдруг сказали: “Говорите, что хотите, ругайте, кого хотите, болтайте, что вздумается”. Это всеобщее обоснованное поношение тогда парализовало государственные и партийные структуры. Все стало рушиться. Охлократия стала главной и не управляемой обществом силой. На политическую арену вышли сотни крикунов, которые утверждались в разрушении всего и вся по известному принципу “до основания, а затем...”, за ними шли насилие, преступность и вооруженные кровавые межнациональные столкновения. Было бы крайне несправедливо и безответственно оплевывать всю

70-летнюю жизнь и деятельность многомиллионного народа. Но речь идет не о том, чтобы обелять тяжкие пороки советского периода, и не о том, что демократия, гласность, свобода слова не нужны были нашему многострадальному народу. Вопрос в другом: каким образом должны вводиться эти, в данном случае взрывоопасные, свободы!? Поэтому колоссальной задачей перестройки был постепенный, последовательный и хорошо контролируемый перевод страны на цивилизованный путь развития с учетом всех существующих реалий и прогностических выводов. Великий А.И. Солженицын сказал, что спуститься с вершины тоталитаризма можно только с туго натянутыми вожжами⁹. Но вот этой четкой последовательности, постепенности, сдержанности охлократии, учета и прогноза возможных реалий не было.

В предисловии к книге “Омут памяти” А.Н. Яковлев цинично приводит вопросы к реформаторам. Что это было: демонстрация свободы или злоумышленный развал соцсистемы и СССР, смелое реформаторство или катастрофически провальный эксперимент, подвижники или предатели, обманувшие партию, страну, народ, и т.д. Но ответ на них он не ищет в своих и других перестройщиков действиях, а сваливает все на народ: “Думаю, что истоки нынешнего хаоса – в самой истории России, в ее традициях, в социальной психологии народа”¹⁰. Видимо, понимая, что это демагогия, он вдруг застыдился: “Говорят, что стыд глаза не ест. Неправда! Еще как ест! Если ты такой совестливый, говорю я самому себе, то как ты допустил, что реформы, в которых ты активно участвовал, в конечном счете привели к новому обнищанию народа. Мне отвратительны продолжающаяся люмпенизация общества, коррупция, наглая самоуверенность и умственная ограниченность многих из тех, кому ты объективно помог прийти к власти и богатству. Все это и многое другое постоянно душит меня вопросом: а правильно ли ты принял участие в том, что перевернуло Россию, но обрекло ее на новые мучительные страдания на пути к свободе?”¹¹. И тут же оправдывает себя тем, что он якобы к деформациям преобразований не причастен, поскольку Горбачев отодвинул его. Оправдание неуместно. А.Н. Яковлев в другом месте признается: “Я не ожидал всех сложностей предстоящего процесса. Не сразу пришло

⁷ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: традиции самовластия сегодня. М., 2001. С. 305.

⁸ Задолго до перестройки Дж. Кеннан-младший писал: “Если кому-нибудь удастся нарушить единство и силу Коммунистической партии как политического инструмента, Советская Россия может быть быстро превращена из одного из сильнейших в одно из самых слабых и ничтожных национальных сообществ” (цит. по: Шевякин А.П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. 1945–1991. М., 2004. С. 146). Горбачев высказывался по этому поводу более определенно и неоднократно: в израильском парламенте в феврале 1992 г.: “Все, что я сделал с Советским Союзом, я сделал во имя нашего Бога Моисея” (цит. по: Игнатъев А.Н. “Пятая колонна”. М., 1998. С. 66); в Конгрессе США в 1992 г.: “Мир может вздохнуть спокойно... Идол коммунизма... рухнул” (цит. по: Фроянов И.Я. Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. СПб., 1999. С. 130, прим.); в Американском университете в Турции в 1999 г.: “Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма... Мне удалось найти сподвижников. Среди них особое место занимают А. Яковлев и Э. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неопределимы” // Газета “Usvit” (цит. по: Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. М., 2001. С. 90, 91).

⁹ Цит. по: Рыжков Н. Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 374.

¹⁰ Яковлев А. Указ. соч. С. 7.

¹¹ Там же. С. 15.

понимание, что воплощение демократии в жизнь реальной России потребует колоссальных и длительных усилий... Я был убежден, что стоит только вернуть народу России свободу, как он проснется и возвысится...”¹². Но, судя по его другим высказываниям, он предвидел такой результат и стремился к нему. Достаточно свежим местом в докладе на XXVII съезде КПСС, пишет он, было его личное положение о развитии гласности. “Революционное значение этого положения партийная элита поняла значительно позднее... **Не ведала номенклатура, что творила**”¹³. (выделено мною. – В.Л.) А он, естественно, ведал, знал, предвидел.

Провозглашая свободу, противопоставленную порядку, материальному благополучию и справедливости, мы существенно ослабляем социально-правовой, социально-криминологический и нравственный контроль и самоконтроль. В этих условиях большинство людей ориентируются лишь на свои актуальные ситуативные потребности в “свободном” обществе. Можно было бы не обращать особого внимания на приведенное высказывание, если бы реальные события не подтверждали сущность этого рефрена.

Обратимся к официальной уголовной статистике. В 2011 г. в России было зарегистрировано только 2 млн 405 тыс. преступлений, т.е. на 37,6% меньше, чем в 2006 г. Число преступлений на 100 тыс. населения составило около 1800. Таким образом, после выборной кампании 2006 г. вся **регистрируемая** преступность сокращалась как по заказу: в 2007 г. – на 19,3%, в 2008 – на 6,9%, в 2009 – на 0,2%, в 2010 – на 12,4% и в 2011 г. – на 8,5%, а в целом за эти годы – на 62,4%. Таких успехов не имела ни одна страна мира. Практики говорят: требовали работать на показатели. Преступность в стране стала намного ниже, чем в США и странах Западной Европы. Исходя из этих данных, нам можно только торжествовать. Но это – мошенническая статистика, которую сам президент страны справедливо назвал “брехней”. Заявлений и сообщений о происшествиях регистрируется в год около 23–24 млн. В этом числе могут быть и ошибочные заявления граждан, но по исследовательским данным НИИ прокуратуры и НИИ МВД, у нас в год реально совершается до 23–24 млн¹⁴ преступлений. Возьмем общее число заявлений и сообщений граждан (практически совпадающее с реально совершаемой рассчитанной преступностью) – 23,5 млн за базу.

На основе этих заявлений и сообщений в 2010 г. было официально зарегистрировано 2,7 млн преступлений (только 11%). Выявлено лиц, совершивших преступления, – 1,1 млн (лишь 4,7%). Осуждено виновных – 0,8 млн, или 3,6% (от заявленных – капля в море). Избежали уголовной ответственности по различным причинам – более 95% правонарушителей. Вот и вся эффективность “свободы” противодействия преступности и защиты прав граждан. Реальное сокращение учтенной преступности такими темпами потребовало бы огромных политических, экономических и организационных усилий. Но даже при таких усилиях долгого и последовательного успеха добиться было бы очень трудно. А у нас в эти годы был экономический кризис и не совсем научно обоснованное реформирование системы МВД при серьезной нехватке профессионально подготовленных и добросовестных кадров.

Приведу частный пример из нашей современной жизни. Президент Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий, которая объединяет 1500 корпораций, институтов и университетов, работающих в области информационных технологий, О. Ускова 7 декабря 2011 г. рассказала о проведенном анализе развития IT-сектора в этом году. Ассоциация провела опрос ряда ведущих экспертов отрасли с целью оценки уровня коррупции. Всего было опрошено 2,5 тыс. ведущих работников фирм и организаций из 40 регионов РФ. Итоги опроса ошеломляют: **самое коррумпированное ведомство, по мнению отрасли, – РОСНАНО с оценкой “наивысший”, на 2-ом месте с такой же оценкой находится Минэкономразвития, следующий идет Минобрнауки**, где уровень оценили как “очень высокий”. “Откаты” в секторе IT в истекшем году составили около 60%. Всего в 2011 г. на реализацию инновационных программ и проектов в рамках бюджета было запланировано **1,2 трлн. руб.**, из них традиционно наибольшая доля приходится на сектор IT – около 300 млрд. руб., 60% от которых (а это 180 млрд.) – коррупционные чиновничьи доходы, а ведь отрасль информационных технологий – совсем не единственная¹⁵. Однако уголовных дел нет. По данным ФАС, на долю чиновников приходится около половины нарушений антимонопольного законодательства. “Слуги народа” “химичат” с госзакупками, представляют необоснованные предпочтения “своим” компа-

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 325.

¹⁴ Вестник Академии Генпрокуратуры. 2011. № 1. С. 75.

¹⁵ См.: Ревич Ю. // <http://www.novayagazeta.ru/economy/49937.html>

ниям и создают препятствия для “чужаков”¹⁶. И тоже без уголовной ответственности!

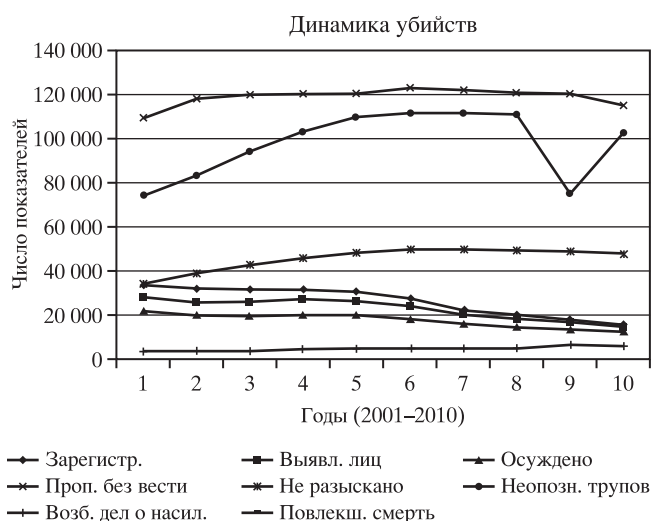
Обратимся еще к одному примеру, к самым опасным деяниям – умышленным убийствам за последние 10 лет. Многие заблуждаются и считают их низкостатусными деяниями. Проверим. За указанные 10 лет было официально зарегистрировано **263 889** убийств. Примем это число за 100%. Было выявлено виновных лиц – 86.3%, а осуждено – только 67.5%. За это же десятилетие в стране пропало без вести 1.2 млн человек. Не разысканными остались 38.2 %, но зато выявлен был почти миллион (974 672) неопознанных трупов, значительная часть которых относится к предшествующему времени. Если все это сложить, то получается, что у нас ежегодно в среднем уходят от уголовной ответственности **до 100 тыс. убийц**.

На рис. “Динамика убийств” особо выделяются две верхние кривые. Самая верхняя динамика лиц, пропавших без вести, а ниже ее – динамика найденных и неопознанных трупов. Я не касаюсь здесь порочности отечественной квалификации и учета убийств (не по лицам, а по событиям), а также убийств, которые квалифицируются по другим статьям кодекса и реальных убийств, осуществленных под естественную смерть, несчастный случай и т.д. и т.п. Это еще более увеличило бы число безнаказанных убийц. Есть основания полагать, что в нашей стране ходят на воле тысячи убийц и миллионы других преступников, избежавших уголовной ответственности. А безнаказанность в условиях “свободы дикой природы” несет в себе сложнейшую проблему общественной безопасности. Невольно вспоминается рефрен-афоризм:

*“Есть смысл считать почти доказанным,
Что скоро кровь опять прольется,
Когда убийца безнаказанным
На воле долго остается”.*

По неполным данным ООН, в России убивают больше народу, чем в США, которые всегда была склонны к насильственным методам решения проблем”¹⁷. Но мы их обогнали.

Все эти данные публикуются не впервые. Они объективны, и никто их не оспаривает. Можно было бы привести огромное число других статистически обобщающих и частных свидетельств. Все они приводят нас к серьезным вопросам: о свободном правовом государстве, о свободе

дикой природы, о высшей степени верности или неверности идеи “противопоставления свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости”. Какие же меры предпринимают власти, чтобы не скатываться дальше к свободе-вольнице? Великий русский баснописец И.А. Крылов полагал:

*“Как ни приманчива свобода,
Но для народа не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана”.*

Приведу только несколько высказываний, распоряжений и фактов.

1. У нас мошеннически самый низкий уровень официально учтенной преступности. Реальный – в 5–8 раз выше. Со времен Возрождения известно, что уровень преступности можно снизить двумя путями: путем минимизации причин криминального поведения (криминологический либеральный подход) и путем ужесточения уголовной ответственности (карательно-возмездный подход).

Криминологический подход у нас дважды выдвигался властями (после революции в 20-е годы и в процессе хрущевской “оттепели” в 60–70-е годы). Оба раза криминологический подход, будучи по сути перспективным и демократичным, не давал скорых и устойчивых результатов. Он требовал соответствующей организации, системного и непрерывного изучения причинности противоправного поведения, подготовленных специалистов и больших сил и средств. Но в то время верилось. Поэтому его громко (Н.С. Хрущев даже публично обещал пожать руку последнему преступнику) открывали, а затем тихо закрывали.

Криминология нашей власти и ныне не нужна. Слишком накладно, хлопотно и неосяземо. Ее использование предлагалось еще в царской Рос-

¹⁶ Росс. газ. 2012. 14 мая.

¹⁷ Почему убивают американцы? // http://News.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1388000/1388711.stm

сии. В XVIII в. наш соотечественник А.Н. Радищев намного раньше известного А. Кетле в работе “О законоположении” (1802 г.) пришел в этом плане к исключительно важным выводам о роли уголовной статистики и социологии в разработке уголовного законодательства. Он констатировал печальные тенденции преступности в России и предложил основные направления использования реальных статистических и социологических данных и закономерностей в правотворческой работе. В своем труде “О законоположении” он писал, что для **разработки новых законов необходим полноценный статистический материал, правдиво освещающий преступность, ее причины, деятельность правосудия и другие правовые и экономические вопросы, что только на основании таких данных “можно почерпнуть мысли для будущего законоположения”**. Имея перед собой судопроизшествия разных годов и разных областей обширной России, ясно видно будет, каковы причины и побуждения к содеянному преступлению. Только видя источники преступления, можно найти будет ему **необходимую преграду**¹⁸. Мы практически не освоили мудрость великого предка. Правда, по этой проблеме написано много книг, в том числе и автором¹⁹. Но системных перманентных исследований в законотворческих целях нет. А должны быть настоящие профессиональные мозговые аналитические и прогностические центры. Их не могут заменить публикации в Интернете и другие публичные обсуждения. Они могут быть использованы лишь на этапе выдвижения тех или иных гипотез и при экспертизе разработанных законопроектов. И эти замечания могут быть вновь подвергнуты анализу и прогнозу в научных центрах.

В УК РФ 1996 г., например, на догматической основе был разработан красивый перечень из 13 видов наказаний. Но применялись только лишение свободы и штраф плюс вырочало условное осуждение. Остальные виды бездействовали, так как не было условий для их исполнения. А ведь это мог при разработке УК рассчитать даже ученик 5-го класса. Но увлеченным законописателям анализ реалий и прогноз их развития были не нужны. Уголовно-правовая борьба с преступностью была в эти годы серьезно подорвана. Суды, как правило, осуждали виновных к лишению свободы, а при получении

хорошего “куша” – к лишению свободы условно. Норма фактически была коррупциогенной. Правоприменительная практика уголовных судов за последние 15 лет была законоразрушительной. И это было предопределено порочным законотворчеством.

Второй вид контроля – **уголовно-правовой**. Он на первый взгляд намного дешевле и более очевиден. Поймали человека, посадили в места лишения свободы, и все относительно довольны (зло наказано). Все зримо и понятно. От этого вида контроля человечество пока отказаться не может. Но надо осознавать, что эта мера еще менее эффективна, чем профилактика. И она не перевоспитывает осужденного, а при нашем огромном социальном правовом неравенстве и социальной несправедливости только озлобляет, формируя из него неисправимого рецидивиста. Уголовно-правовой подход прост, понятен и устроит. А перевоспитывать каждую “абсолютно свободную тварь” в условиях изощренных примеров массового грабежа России, за совершение которого до сих пор никто не понес уголовной ответственности, очень трудно, даже непосильно²⁰. А осужденные к лишению свободы все больше становятся огромным экономическим, организационным и моральным грузом. На западе преступность больше, но “сидельцев” – меньше. У нас замечен такой психологический парадокс: народ возмущается после выявления какого-то опасного преступления. Проходит время, тяжесть преступления забывается. Преступника судят, хорошо оплачиваемые адвокаты принимают невероятные усилия к его оправданию или смягчению его участи. Через СМИ они обращаются к народу, и многие люди готовы к смягчению судьбы беспощадного преступника. Психология отходчивости глубоко живет в нашем народе. Некоторые мудрецы полагают, что излишняя снисходительность к преступнику указывает на предрасположенность быть им. Эту характеристику точно выразила

¹⁸ Радищев А.Н. Избр. философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 460.

¹⁹ См., например: Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х т.

²⁰ Был такой исторический эксперимент. Президент Клинтон в 1994 г. подписал Закон США “О контроле над насильственной преступностью и правоприменительных органах”. Он выделил на эти цели 30,2 млрд. долл., запретил продажу и хранение 19 видов наступательного огнестрельного оружия, распространил смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений. При его подписании президент США сказал криминологически значимые слова: **“Законопослушные граждане заставили услышать их голос. Никогда впредь Вашингтон не поставит интересы политики и партий над правопорядком”** (Росс. газ. 1995. 28 марта.). У нас таких забот не проявляется. В последние годы об этом никто из властителей даже не заикается. Их, видимо, удовлетворяет мошенническая статистика учета преступности.

М. Цветаева. Она пишет: “Если я вижу насилие – я за жертву, если насильник убегает – я дам ему убежище”.

В последние годы нового века встал вопрос: как сократить число “сидельцев”, но не путем снижения криминогенности в стране, не путем эффективной правовоспитательной профилактической работы (все это очень трудно), а пойти хорошо проторенной дорогой с помощью мощеннической уголовной статистики. И, чтоб делу дать законный вид и толк, было придумано под лозунгом “свобода лучше, чем несвобода”, множество решений:

- 1) декриминализировать некоторые преступления,
- 2) перевести уголовные преступления в административные правонарушения,
- 3) заменить предпринимателям арест как меру пресечения на крупный денежный залог,
- 4) снизить меру уголовного наказания в виде лишения свободы до минимума,
- 5) заменить лишение свободы штрафами и откупом,
- 6) внедрить исторически выстраданные направления осужденных за совершение преступлений в организуемые центры (которых пока нет) для работы, как в былые времена на “химию или лесоповал”,
- 7) внедрить домашний арест с браслетным контролем,
- 8) переименовать милицию в более эффективную и достойную полицию,
- 9) ликвидировать главное управление по борьбе с организованной преступностью, поскольку оно могло “копать” в непопозволенном месте.
- 10) Было внесено даже такое революционное предложение – заменить лишение свободы пожизненным штрафом, который может выплачиваться не только самим субъектом преступления, но, если он умрет, и его детьми, внуками, а может быть, и правнуками (автор Н. Федоров, сенатор и руководитель исследовательского центра, ныне министр сельского хозяйства в правительстве). И это далеко не все. После принятия УК 1996 г. в него было внесено более чем сотней федеральных законов свыше 3000 изменений и дополнений, далеко не всегда научно и практически обоснованных. Некоторые предложения приемлемы. Но они в научно-практическом плане аналитически и прогностически не проверялись. При этом нельзя было исключать экспериментальных

испытаний в одном-двух регионах. При таком легковесном подходе легко ухватиться, например, за страну Транай, описанную американским фантастом Р. Шекли, в которой доминировало сплошное беззаконие, но осужденных преступников ни одного не было. Так что далеко не все еще освоено...

В структуре различных новелл особое направление реализуется в более гуманном отношении власти к предпринимателям, хотя экономическая предпринимательская преступность у нас огромна. Она причиняет самый большой ущерб нашей экономике. Под ширмой демократизации из УК РФ была исключена известная с древнегреческих времен и действующая во всех странах мира и международных документах эффективная мера для жулья – конфискация имущества, которую после многочисленных обсуждений ввели, но уже в порочном виде. За совершение бытовых деяний конфискация возможна, а за совершение экономических преступлений и преступлений против собственности, которые причиняют самый огромный материальный ущерб, нет.

Как много было обещаний властей народу после первых известных событий на Болотной площади о необходимости криминализации незаконного обогащения. Эта норма очень эффективна и рекомендована международной конвенцией, которая была Россией подписана и ратифицирована. Но власти так и не решились на этот героический поступок. Боязно! Опасно! Для кого? Ответ очевиден²¹.

²¹ В 2002 г. в Палермо (Италия) состоялся семинар “Использование конфискованного имущества мафиозных организаций для социальных целей”. В нашей группе кроме меня были депутат Госдумы РФ Ю.П. Щекочихин, обозреватель газеты “Совершенно секретно” Л.Ю. Кислинская, проф. Санкт-Петербургского университета Б.В. Волженкин и проф. из США Луиза Шелли. Семинар был недельный. Он проходил в форме встреч и бесед с руководителями префектуры и мэрии Палермо, с организаторами ассоциации “Либерта”, которая изучает вопросы конфискации имущества у мафии и пути его дальнейшего использования. Мы также встречались с руководством прокуратур и судов, а также с представителями властей, с руководителями предприятий и ассоциаций, которые практически используют конфискованное недвижимое имущество в социальных целях.

Конфискация осуществлялась итальянскими властями в уголовно-правовом, административно-правовом и гражданско-правовом порядке. Конфискованная недвижимость не продавалась, так как коррупционеры и мафия через подставных лиц вновь бы все скупала. На конфискованных землях выращивается виноград, оливки и другие фрукты и овощи. На этикетках бутылок с вином пишется: “Вино изготовлено из винограда, выращенного на землях, конфискованных у мафии”. То же писалось и на этикетках бутылок с оливковым маслом и т.д.

Более того, высокими властями был брошен клич: “Не надо кошмарить предпринимателей”. Предприниматели в экономическом и даже в политическом отношении, особенно перед выборами, – слой важный. Но кошмарить вообще никого не следует, если мы демократическая страна, в которой существует правовое равенство. В последнее время слова “не кошмарить” заменены “комфортом для предпринимателей”. Но почему власти озабочены только предпринимателями? Ныне у них есть возможность даже откупиться от уголовной ответственности. А где же равноправие и “свобода лучше, чем несвобода”? Ответа нет. Более того, действия властей противоречивы. Например, Минэкономразвития хочет ужесточить контроль над банковской отраслью и ввести уголовную ответственность для банкиров, в том числе занимающих руководящие должности, которые всего лишь фальсифицируют отчетность, указывающую на приближение банкротства. Да и в других странах их по головке не гладят. В США, например, много арестов за совершение экономических преступлений. Меры наказания – до 200 лет, тогда как в нашей стране власти проявляют к ним особое “человеколюбие”. И даже советуют их не арестовывать до суда и ограничиваться залогом. Хотя очевидно, что, оставшись на свободе, экономический преступник имеет особые возможности уничтожить документальные доказательства, увести активы, подкупить свидетелей и потерпевших и в конечном итоге покинуть страну.

Недвижимость подлежала конфискации даже тогда, когда уголовное дело прекращалось за недоказанностью если мафиози не мог объяснить, откуда у него несметное богатство. И это соответствует международной норме “незаконного обогащения” (т.е. значительное увеличение активов лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать – ст. 20 Конвенции ООН против коррупции).

Как сказал один из итальянских организаторов семинара господин Энцо Ло Дато, все это послужило **духовному освобождению народа острова от вековой мафиозной зависимости** и активизации борьбы с ней со стороны государства, которое до этого мирилось с засильем организованных преступников и коррупционеров.

Мы привезли с собой все законы Италии, направленные на экономический и финансовый подрыв мафии-коррупции, другие документы и свидетельства, которые были нами опубликованы. Этому был посвящен Криминологический ежеквартальный альманах нашего центра “Организованная преступность, терроризм и коррупция” (2003. № 1. С. 85–103) со статьями (см.: Лунев В.В. Опыт борьбы с организованной и коррупционной преступностью в Италии; Энцо Ло Дато. Антимифиозная культурная революция в Палермо; Законы Италии о борьбе с мафией). Но все эти полезные материалы не были востребованы властями России, хотя альманах был послан во все инстанции.

Сколько серьезных экономических преступников сейчас находятся за рубежом? Тысячи.

Криминогенная обстановка в экономической предпринимательской сфере во многих странах мира и в России во время глобализации мира остается сложной. В последнее время в умах крупнейших предпринимателей-воротил даже обсуждается страшная проблема. По их мнению, **существование значительной части человечества становится нерентабельным**. Они рассматривают принципиальный, но бесчеловечный выход из этой ситуации. **Если целью существования человечества остается получение прибыли** (т.е. оно продолжает существовать в рамках рыночной парадигмы и доминанты поведения), то **главная задача, которая объективно стоит перед ним, заключается в физическом истреблении собственной нерентабельной части**²². Именно в истреблении, так как поддержание любого, сколь угодно нищенского существования миллиардов людей, не имеющих возможности приносить прибыль глобальным корпорациям, означает для последних непроизводительную трату ресурсов. И это тоже на нашем языке является преступным замыслом, который давно реализуется. Я уже не говорю о преступных способах захвата собственности с ельцинских времен и до наших дней.

В России практически даже не устоялись официальный учет и обнародование экономических преступлений. В официальных обобщающих статистических сборниках экономические преступления вообще не представлены. Все учеты ограничиваются, если можно так сказать, “мелочью”. Общеизвестно: “Закон – это паутина, через которую легко пролетают крупные мухи и застревает мелюзга”. Крупнейшие многомиллионные и даже многомиллиардные бизнес-преступления вообще отсутствуют в учете. Тем не менее при

²² В процессе идущей глобализации первое место занимает проблема занятости населения. Глобалисты – прогматики оценивают ее с помощью пары цифр 20:80 и концепции титтайнмента (от *tits* – сиськи и *entertainment* – развлечение) – термин 36. Бжезинского. При глобализации мира, которая использует все достижения научно-технического прогресса, будет достаточно 20% образованного населения. Остальные 80% останутся без работы и достаточных средств к существованию. Они должны будут довольствоваться титтайнментом. Содержать и удерживать в рамках права до 4 млрд. “лишнего” населения титтайнментом вряд ли возможно (Лунев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 23, 24). Дилемма будет состоять в том, как выразился один из участников дискуссии в “Фермонт-отеле” (Сан-Франциско, 1995 г.), что “либо ты ешь ленч, либо на ленч едят тебя” (Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация / Пер. с нем. М., 2001. С. 21).

любом уголовно-правовом и статистическом подходе **экономическая преступность в России по сути своей была и останется ядром огромной корыстной преступности.** Если бы удалось зарегистрировать хотя бы четверть реальной экономической преступности, она могла бы превысить число самых распространенных деяний. Латентная преступность экономической направленности самая высокая. Именно она подрывает экономику страны и ее социальные программы.

В ситуации безнаказанного разграбления государственной собственности в “лихие 90-е” льготные условия для предпринимателей не объяснимы. Декларирование свободы и равенства всех граждан и изобретение привилегий сословного покровительства, распространяющегося только на предпринимателей, понять трудно. И в этих условиях идея сословного покровительства развивается дальше: “не надо арестовывать до суда предпринимателей, надо отпускать их под залог”, “не надо лишать свободы предпринимателей, а надо штрафовать их на большие суммы” укладываются в многовековую пословицу: “Если ты украл булку хлеба – пойдешь в тюрьму, а если железную дорогу – будешь сенатором”. И эта пословица многократно реализовывалась в нашей

стране. Может быть, в этом причины некоторых радикальных лозунгов Болотной площади? К организаторам опасных народных волнений власти относились гуманно. Но радикализация некоторых слоев общества будет продолжаться. Поэтому есть предложения иного порядка. И как быть с лозунгом “Свобода лучше, чем несвобода”? Ведь более жесткие правовые меры к небеспричинно бесчинствующим радикалам нельзя назвать “свободой”, исходя из провозглашенного лозунга. И вообще обоснованное противодействие преступности с применением имеющихся у государства законных сил и средств, с насильственным задержанием активистов и их арестом не укладывается в провозглашенное государственным лицом формальное либертарно-юридическое понимание “свобода лучше, чем несвобода”.

Есть три взаимосвязанные латинские пословицы, которые помогают понять слагаемые законности: *Ubi periculum, ibi lex* (Где опасность, там и законы); *Ubi jus, ibi remedium* (Где право, там и защита); *Ubi lex, ibi poena* (Где законы, там и наказание). Древние эти взаимосвязи знали, а современные властители пользуются этими слагаемыми выборочно.